

© 1994 г. В.В. СЕДОВ

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ЭТНОЯЗЫКОВАЯ ОБЩНОСТЬ

Первым исследователем, попытавшимся гипотетически восстановить начало восточного славянства, решить вопрос о происхождении и развитии общевосточнославянского языка и его диалектного членения, был А.А. Шахматов [1, 2, 3]. “Первой прародиной” русских, то есть восточных славян, как полагал исследователь, были земли в междуречье нижних течений Прута и Днестра. Примерно в V–VI вв. н.э. здесь из юго-восточной ветви праславянства выделились “прарусы”. Это были анты, упоминаемые в исторических источниках VI–VII вв., которые и составили ядро восточных славян. С этого периода и начинается самостоятельное развитие общерусского языка. В VI в., спасаясь от авар, значительная часть антов переселилась на Волынь и в Среднее Поднепровье. Этот регион А.А. Шахматов называл “колыбелью русского племени”. Восточные славяне составляли “одно этнографическое целое”. Отсюда они в IX–X вв. начали освоение обширного пространства от Черного моря до Ильменя и от Карпат до Дона. Начался новый этап в истории восточного славянства (А.А. Шахматов называл его древнерусским), которое в результате широкого расселения дифференцировалось на три больших наречия – севернорусское, восточнорусское (или среднерусское) и южнорусское. После XIII в. на их основе и в результате их взаимодействия формируются отдельные восточнославянские языки – русский, украинский и белорусский.

✓ Позднее многие исследователи придерживались мнения, согласно которому предками восточного славянства были анты VI–VII вв. Признавая реальность общевосточнославянского языка, одни ученые полагали, что диалекты восточнославянских языков восходят к диалектам племенных образований, зафиксированных Повестью временных лет, другие связывали формирование диалектов с периодом феодальной раздробленности Древней Руси, а также с эпохой Московского и Литовского государств.

✓ В 50-х годах XX в. Б.А. Рыбаков на основе историко-археологических данных изложил гипотезу о среднеднепровском начале восточнославянской народности [4, 5]. Ядром ее будто бы стал племенной союз, образовавшийся здесь (будущие Киевская, Черниговская и Северская земли) в VI–VII вв. под главенством одного из славянских племен – русов. В последней четверти I тыс. н.э. к формированию восточнославянского этноса подключились и другие славянские племена Восточной Европы и часть славянизированных финских племен. Не подтвержденная конкретными археологическими материалами эта мысль не получила дальнейшего развития.

Согласно представлениям П.Н. Третьякова, восточнославянская общность была результатом метисации части праславян – носителей зарубинецкой культуры, расселившихся в первых веках нашей эры по всему Верхнему Поднепровью, с местным балтоязычным населением. Верхнеднепровский регион и был прародиной восточных славян, откуда они расселились в разных направлениях, составив основу населения Древней Руси [6]. Догадку о зарождении восточнославянской языковой общности в зарубинецкой культуре (II в. до н.э. – II в. н.э.) высказывал и Ф.П. Филин [7].

Прародину этой общности где-то на восточнославянской территории ищут исследователи и в настоящее время. Так, Г.П. Пивторак полагает, что восточнославянский этнос формировался постепенно в ходе расселения восточнославянских племен на

Русской равнине. Первоначальным же ядром его была область между Западным Бугом и средним Днепром [8]. О.Н. Трубачев видит древний центр общевосточнославянской языковой общности на Дону и Северском Донце [9].

✓ Мысль об образовании восточнославянской этноязыковой общности на основе древних (праславянских) диалектных групп, занимавших восточную часть славянских земель, принадлежит Б.М. Ляпунову [10]. Согласно представлениям Г.А. Хабургаева восточнославянское языковое единство было результатом нивелировки и интеграции диалектов восточнославянских племенных образований [11]. Изучение древненовгородского диалекта на основе берестяных грамот и иных памятников письменности привело А.А. Зализняка к отрицанию концепции правосточнославянского языка как монолитного ответвления от праславянского языка. Древненовгородский диалект образовался ранее восточнославянского языка, непосредственно из праславянского [12].

• Обширнейшие материалы, накопленные к настоящему времени славянской археологией, являются одним из наиболее авторитетных источников детального изучения проблемы освоения славянами пространств Русской равнины, где происходил процесс становления и развития восточнославянского этноязыкового единства. В настоящей статье миграционные процессы, имевшие место на Русской равнине, рассматриваются на базе данных археологии на фоне "диалектологической карты русского языка в Европе" (рис. 1), составленной Московской диалектологической комиссией [13]. Она дает представление о дифференциации восточнославянской территории на основные диалектные макрзоны, формирование которых, как показано ниже, обусловлено первоначальным освоением Русской равнины славянским населением.

Расселение славян в обширнейшей лесной зоне Восточноевропейской равнины огносится в основном к раннему средневековью. В предшествующий римский период славяне проживали в бассейне верхнего и среднего течения Вислы, в правобережной части бассейна Одера, а на востоке славянский ареал охватывал верховья Днестра, Волынь и Среднее Поднепровье [14, с. 53–100]. Территория расселения славян этого времени, как и многие другие регионы Западной Европы, не была замкнутой, ограниченной естественными рубежами. В ареале пшеворской культуры в Висло-Одерском междуречье наряду со славянами проживали и некоторые германские племена. Полиэтнический характер носила и черняховская культура Северного Причерноморья, в составе населения которой наряду со славянами-антами, основные массы которых концентрировались в Подольско-Днепровском регионе, жили скифосарматы, готы и гепиды, а в западной части и дакийские племена. Отдельную ветвь славян образовывали племена киевской культуры, занимавшие левобережную часть Среднего Поднепровья [15]. В III–IV вв. славяне достигли левобережных земель Нижнего Подунавья, о чем свидетельствуют древности типа Этулии.

В римское время славяне были уже далеко не монолитной массой и вступили в эпоху средневековья расчлененными как в культурном, так и в этнографическом отношениях. Великая славянская миграция начала средневековой поры вела к еще большей дифференциации славянского мира на поздней стадии развития праславянского языка. Археология неоспоримо свидетельствует, что восточнославянская общность периода Древнерусской государственности не восходит ни к одной из племенных группировок праславянского этапа. Процесс расселения славян в лесной зоне Восточной Европы был весьма сложным и многоактным, освоение новых земель осуществлялось несколькими миграционными потоками, протекавшими неодновременно из разных этнографических областей праславянского ареала.

Одну из крупных этнографических группировок славян V–VII вв. характеризует пражско-корчакская культура, которой свойственны специфическая глиняная посуда, полуземляночное домостроительство и погребения по обряду кремации умерших в грунтовых могильниках. Начиная с VI–VII вв. в среде этой славянской группировки распространяется курганный обряд захоронения. Истоки пражско-корчакской культу-

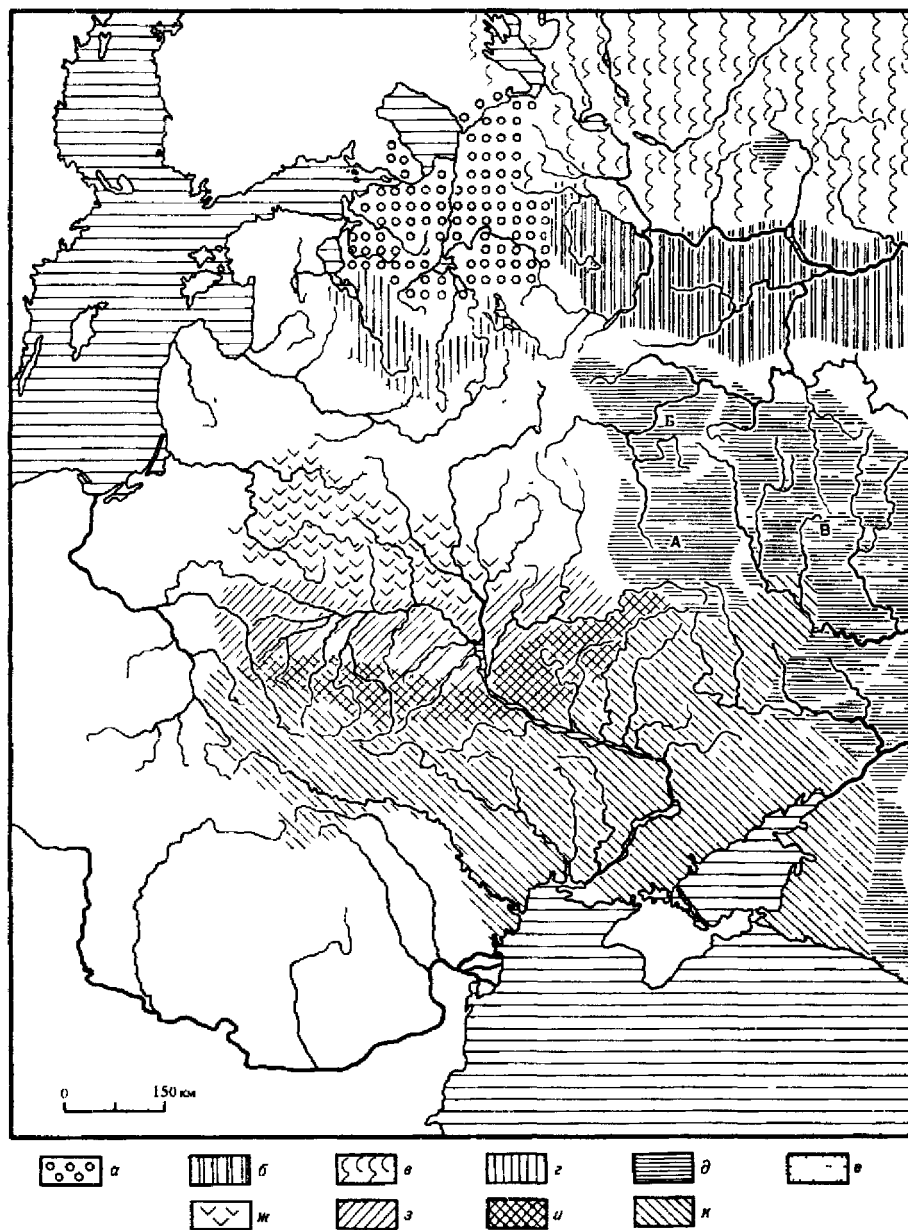

Рис 1 Диалектологическая карта восточнославянских языков

Условные обозначения а-в – северновеликорусские говоры (а – западная группа, б – владимирско-поволжская, в – северная и олонецкая), г – псковская группа; д – южно-великорусские говоры (их группы обозначены буквами А, Б, В); е – севернобелорусские говоры; ж – южнобелорусские говоры, з – полесские (северноукраинские) говоры; и – полесско-украинские говоры; к – украинские говоры. Средневеликорусские и говоры переходные к южновеликорусским на белорусской основе не заштрихованы.

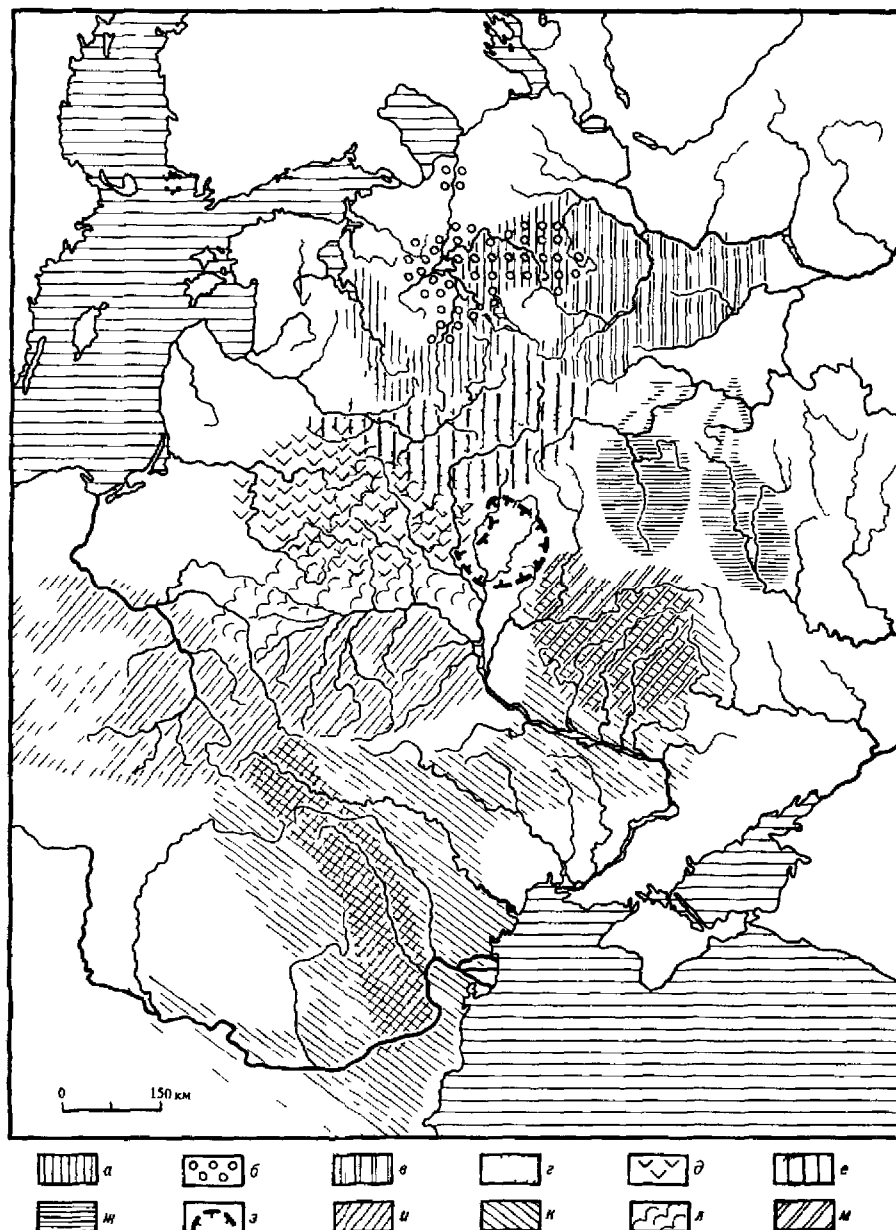

Рис 2. Раннесредневековые группировки славян по археологическим данным
 Условные обозначения. а – культура псковских длинных курганов; б – ареал сопок; в – основная область распространения браслетообразных височных колец с сомкнутыми или заходящими концами, г – расселение днепровских балтов в раннем железном веке, д – диалектно-племенная группа срединных балтов в раннем железном веке (культура штрихованной керамики), е – основная область расселения смоленско-полоцких кривичей, ж – донские и верхнеокские славяне в VIII–X вв (стрелками показаны основные направления их расселения); з – ареал радимичей, и – пражско-корчакская культура, к – пеньковская культура, л – область расселения волянян и дреговичей, м – роменская культура

ры выявляются в одном из вариантов пшеворской культуры. В VI–VII вв. ее носители распространились на широкой территории от верхней Эльбы на западе до Киевского правобережья на востоке (рис. 2). Наряду с другими славянскими группировками они приняли участие и в освоении Балканского полуострова. Это с[к]лавены, неоднократно упоминаемые в византийских исторических произведениях и сочинении Иордана “Гетика” [14, с. 104–119]. В их состав входило несколько праславянских племенных образований, одним из которых были дулебы, заселявшие Волынь и правобережную часть Киевского Поднепровья. Пражско-корчакский регион на восточнославянской территории соответствует распространению северноукраинских (полесских) говоров, как они очерчиваются на упомянутой “диалектологической карте”. Существенных перемещений населения в этом регионе ни по данным археологии, ни по историческим документам не наблюдается. Поэтому есть все основания полагать, что основы северноукраинских говоров были заложены славянами пражско-корчакской группировки начала средневековой поры.

В результате дифференциации дулебов в IX–X вв. образовались во всех отношениях весьма близкие друг к другу племена, известные по летописям – волыняне, древляне, поляне и дреговичи [16, с. 90–119]. Археологические материалы надежно свидетельствуют, что в X–XII вв. волыняне и дреговичи расширили свои территории в северном направлении, освоив области нижнего течения Березины, левых притоков Припяти и верхнего Немана. Этот регион издревле принадлежал балтам, которые в процессе славянской инфильтрации не покидали мест своего обитания, смешались с переселенцами и постепенно оказались ассимилированными.

Земли, освоенные волынянами и дреговичами, входят в зону южнобелорусского наречия. Ближайшая связь этого наречия с северноукраинским вне всякого сомнения [17]. Поэтому предположение о начальном формировании южнобелорусских говоров на основе говоров волынян и дреговичей, расселившихся севернее Припяти, представляется вполне оправданным.

Иная крупная племенная группировка праславян занимала в V–VII вв. более южные территории Восточной Европы от нижнего Дуная до Северского Донца. Ее древности образуют пеньковскую культуру, которой свойственны другие типы керамики и исключительно грунтовые могильники (курганных захоронений эта группировка славян не знала). В отличие от пражско-корчакской группировки здесь наряду с обрядом трупосожжения зафиксирован и ритуал ингумации. Важным индикатором являются и пальчатые фибулы с маскообразным основанием и их дериваты, не свойственные другим славянским группировкам этого времени. Это были анты, хорошо известные по историческим источникам VI–VII вв. Их сложение восходит к римскому времени, когда в результате расселения славян на скифо-сарматской территории в Северном Причерноморье сформировался славяно-иранский симбиоз [14, с. 119–133; 18]. Из антской среды вышли известные по летописям восточнославянские племена хорватов, заселявших Северо-Восточное Прикарпатье, уличи, локализуемые в лесостепной зоне от Днестра до Днепра, и тиверцы Поднестровья. Их потомки, как показывают материалы антропологии, составляли основу населения этого ареала и в последующие столетия. Таким образом, есть все основания полагать, что анты и их потомки заложили основу собственно украинских говоров.

В V–VII вв. антам – носителям пеньковской культуры – принадлежали и земли левобережной части Среднего Поднепровья. Однако мощная миграционная волна VIII в. полностью поглотила прежнее население региона. Здесь складывается новая культура – роменская, по всем параметрам сопоставимая с правобережной синхронной культурой типа Луки Райковецкой – наследницей пражско-корчакской. Имеются археологические факты, свидетельствующие о переселении части антского населения при этом в Донской регион. Поэтому распространение северноукраинских говоров на левобережье Среднего Поднепровья представляется абсолютно оправданным.

Регион южновеликорусских говоров – бассейны верхнего течения Оки, верхнего и среднего течений Дона осваивались славянами несколькими миграционными волнами

На верхней Оке первые славяне, по-видимому, появились в конце IV в. Это было население, бежавшее из ареала черняховской культуры в условиях гуннского нашествия 376 г. Переселенцы расселились на Оке среди племен мощинской культуры, вызвав заметные трансформации в ней, что проявляется и в керамическом материале и в распространении фибул черняховского облика. Если прежде основная часть верхнеокского населения проживала на небольших укрепленных поселениях – городищах, то теперь получают широкое распространение открытые поселения, свидетельствуя и о значительном притоке новых жителей и об активном развитии земледельческой деятельности.

Анты были и первыми славянскими поселенцами в лесостепной зоне Донского бассейна. Древности пеньковского типа выявлены в бассейне Северского Донца, на Осколе и под Воронежем. Правда, они пока слабо изучены. Весьма вероятно, что захоронения по обряду трупосожжения, встречаемые в могильниках салтовской культуры лесостепной части Среднего Дона, принадлежат потомкам местного пеньковского населения [19]. Дополнительный приток антского населения имел место в VIII в., когда, как отмечалось выше, наблюдается перемещение какой-то части жителей из левобережья Среднего Поднепровья в лесостепное Подонье.

В VIII в. и на верхней Оке и в Донском регионе археология фиксирует весьма значительные приливы славянского населения. Миграция осуществлялась с юго-запада, однако очертить конкретный регион, из которого вышли переселенцы, и наметить детальные пути их передвижения пока не представляется возможным.

Древности VIII–IX вв. верхнеокского бассейна определенно связываются с вятичами. По основным показателям – керамическому материалу, домостроительству и погребальной обрядности – они сопоставимы с синхронными культурами славян южной зоны Восточной Европы. “Повесть временных лет” сообщает, что “радимичи бо и вятичи от ляховъ. Бяста бо 2 брата в лясех – Радим, а другой Вятко, – и пришедше седоста Радимъ на Съжю, и прозвашася радимичи, а Вятъко седе съ родомъ своимъ по Оце, от него же прозвашася вятичи” [20, с. 14]. Не исключено, что предки вятичей до их миграции на Оку жили где-то по соседству с будущими ляхскими племенами. Очевидно, ранними вятичскими поселенцами оставлены на верхней Оке географические названия, соответствующие польским наименованиям, главным образом Мазовии и Хелмской земли [21].

В бассейне верхнего и среднего течения Дона в результате мощного притока нового населения складывается боршевская культура. Ее важнейшие атрибуты – домостроительство, глиняная посуда и обрядность указывают на происхождение переселенцев из юго-западных регионов Восточной Европы. Донские славяне не были ни вятичами, ни северянами, как думали некоторые исследователи. Это была отдельная племенная группировка славян, название которой не зафиксировано русскими летописями. В IX в. в бассейне Дона наблюдается инфильтрация населения из верхнеокского региона, в результате здесь получает распространение курганный обряд погребения, идентичный вятичскому. Таким образом, устанавливается двухвековое этнографическое единство донских и верхнеокских славян, которые были весьма близки друг к другу в культурном отношении. Эта общность, нужно полагать, и заложила основы южновеликорусского наречия.

На рубеже X и XI вв. Донской регион оказался в сфере передвижений и грабительских набегов печенегов. Основные массы славянского населения в конце X – начале XI в. вынуждены были оставить эти земли и переселиться в Рязанское Поочье, где расселение донских славян достаточно хорошо фиксируется археологией [22].

В XI–XII вв. вятичи постепенно расширили свои территории по Оке, освоив бассейн реки Москвы и в Рязанском Поочье смешались с донскими славянами. Мысль о заселении славянами Рязанской земли с двух сторон – с запада по Оке и с юга из Донского бассейна была высказана еще А.А. Шахматовым. В настоящее время она находит археологическое подтверждение.

В XII – начале XIII в. лесные и лесостепные земли Донского бассейна были вновь

довольно плотно заселены восточнославянским населением – в результате археологических изысканий здесь открыты сотни поселений этого времени и устанавливается, что далеко не все население покинуло этот регион в условиях активизации кочевников. Повторное широкое расселение славян в Донском регионе шло в основном из Рязанского Поочья. Это было возвращение славянского населения на места жительства их предков, и вполне понятно, что эта территория вошла в состав Рязанской земли. Ее южные пределы определяются и по распространению древнерусских селищ и по половецким каменным “бабам”, они включали целиком р. Воронеж и значительные части р. Битюг. На южных окраинах Рязанской земли были основаны города, упоминаемые в “Списке русских городов”, составленном в конце XIV в., в перечне рязанских городов. Таким образом, можно констатировать, что внутри южновеликорусского диалектологического ареала перемещения населения были, но они исходили из среды потомков ранее расселившихся здесь славян, притока нового славянского населения после VIII в. здесь не наблюдается.

Очевидно, в IX в. в бассейне Сожа расселяются радимичи, ареал которых отчетливо очерчивается по курганным материалам X–XII вв. Радимичская культура Посожья сложилась в результате взаимодействия славян-переселенцев с местным балтоязычным населением, при этом в радимичской курганной культуре балтские элементы выявляются в большей степени, чем в других местах балтского ареала [23]. Племенной диалект радимичей или его следы выявить не удается. Радимичская территория целиком вошла в области формирования белорусского языка, а участие в этногенезе белорусов значительного массива днепровских балтов с археологической точки зрения представляется неоспоримым. Регион, из которого вышли предки радимичей, археологически пока очертить не удается.

Освоение славянами северных лесных земель Русской равнины происходило независимо от миграций южной зоны Восточной Европы. Здесь также обнаруживается не один миграционный поток и несколько племенных группировок праславян.

Довольно отчетливо видна культурно-племенная группировка славян, расселившаяся в V–VII вв. в бассейнах рек, связанных с Псковским озером, и в Южном Приильменье. Она представлена культурой псковских длинных курганов [24]. Обычай сооружать курганы зародился уже в новых местах расселения, курганным захоронениям предшествовали грунтовые могильники с погребениями по обряду кремации умерших, которые выявлены и исследованы археологами. Полуземляночные жилища, столь характерные для южных регионов раннесредневекового славянского мира, в культуре псковских длинных курганов не известны. Здесь господствовали наземные срубные дома с глинобитными печами или каменками. Поскольку славяне рассматриваемой племенной группировки расселились в землях прибалтийско-финского населения, то естественно в их культуре проступают отдельные элементы, сопоставимые с особенностями западнофинских культур.

Говоры славянского населения, оставившего ранние длинные курганы, составили древненовгородский диалект, достаточно подробно описанный на основе анализа берестяных грамот из раскопок Новгорода [25, 26]. Как уже отмечалось, этот диалект принадлежит в своей основе к праславянским.

Культура псковских длинных курганов по всем основным элементам отлична от пражско-корчакской и пеньковской и генетически не связана с ними. Поиски истоков этой культуры приводят археологов к Средневисленскому региону, пока, правда, весьма гипотетически.

В III–IV вв. средневропейские земли в климатическом отношении были весьма благоприятны для земледельческой деятельности. В бассейне средней Вислы археологами зафиксированы сотни поселений римского времени, принадлежащих земледельческому населению, плотно сосредоточенных на наиболее плодородных землях. Можно говорить о некотором переизбытке населения на некоторых участках Среднего Повисленья. В конце IV в. в Европе, в частности в Балтийском бассейне, произошло резкое изменение климата в сторону похолодания и переувлажнения.

Подъем грунтовых вод и повышение уровней вод в озерах и реках привели к затоплению многих участков, ранее занятых пашнями и поселениями земледельцев, значительно расширились площади, занятые болотами. Почти все поселения римского времени Среднего Повисленья, как надежно свидетельствует археология, были оставлены населением. Картография В-образных рифленых пряжек средневропейского происхождения, встречаемых в ряде памятников культуры ранних длинных курганов, показывает, что какая-то часть населения из Повисленья через Мазурско-Неманские области расселяется в это время в Псковско-Ильменском регионе. Миграция протекала по холмисто-озерной гряде от Балтийской до Валдайской возвышенности, образовавшейся после последнего (валдайского) оледенения. И оседали славяне, образовавшие культуру ранних длинных курганов, преимущественно на возвышенных местах – все памятники этой культуры находятся на высоте 120–200 м над уровнем моря.

О таком же направлении миграции славян независимо от археологии пишет немецкий лингвист Ю. Удольф. Восстанавливая на основании географического распределения отражений лексем **vьsь/*derevnja*, **potok/*ručej*, **korčь/*garь/*dorь* пути славянского расселения на Русской равнине, исследователь показывает, что движение славян из Висленского бассейна шло в обход Беловежской пуцци в Среднее Понеманье, а оттуда в направлении Псковского озера и Ильменского региона [27].

Ряд морфологических и синтаксических особенностей, свойственных древненовгородскому диалекту, его характер и отсутствие второй палатализации дали основание А.А. Зализняку полагать, что славянская группировка, расселившаяся в Новгородско-Псковской земле в языковом отношении некоторое время развивалась обособленно от основного ядра славянского мира. Археологические данные свидетельствуют об этом же.

Вторую волну славянского освоения Северо-Запада отражает культура сопок VIII–Х вв., памятники которой сконцентрированы преимущественно в Ильменском бассейне [28]. Славяне этой группировки расселились в восточной части территории, уже освоенной племенами культуры ранних длинных курганов. Последние влились в состав вновь пришедшего населения с более прогрессивными методами хозяйствования. VIII–IX столетия было временем заметного улучшения климатических условий (потепление, умеренная увлажненность, опускание уровней вод в реках и озерах, усыхание болот). Славяне второй волны миграции заселяли участки, наиболее подходящие для пашенного земледелия, в том числе плодородные пойменные земли.

Население, оставившее культуру сопок, с полным правом можно отождествлять с ильменскими словенами, о которых летописи сообщают: “седоша около озера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ и сделаша градъ и нарекоша и Новъгородъ” [20, с. 11]. Археология пока не располагает фактами для освящения путей и деталей расселения этой славянской группировки. Очевидно только, что эти славяне не принадлежали к южным племенным группировкам, представленным пражско-корчакской и пеньковской культурами. Ряд данных (особенности домостроительства, керамический материал, крепостное строительство и др.) склоняют к мысли о западном происхождении словен ильменских. По всей вероятности, они, как и балтийские славяне Северной Польши и междуречья нижней Эльбы и Одера, вышли из одной древней группировки праславян, локализуемой проблематично в северной части пшеворского ареала [16, с. 58–66].

В результате расселения ильменских словен древненовгородский диалект дифференцировался на две части. В западной и юго-западной частях ареала псковских длинных курганов, не затронутых этой миграцией, получают развитие псковские говоры, а в области расселения словен ильменских – западное наречие северно-великорусских говоров.

Очевидно, второй волной миграции славян на Северо-Западе обусловлено переселение в самом начале VIII в. части населения культуры псковских длинных курганов в южном направлении. В результате в Полоцком Подвинье и Смоленском Поднепровье получает распространение культура смоленско-полоцких длинных курганов. Заметное

отличие последней от культуры псковских (или ранних) длинных курганов обусловлено тем, что смоленско-полоцкие древности VIII–IX вв. формировались при взаимодействии пришлого из Новгородско-Псковской земли населения с местным, среди которого немалая доля принадлежала днепровским балтам, и в условиях инфильтрации в верхнеднепровско-двинские земли славянских переселенцев из Дунайского региона.

Культуру смоленско-полоцких длинных курганов, как и последующие курганные древности, характеризующиеся браслетообразными завязанными височными кольцами, следует считать кривичскими. Это были те кривичи, которых летопись локализует в верховьях трех крупнейших рек Русской равнины – Днепра, Западной Двины и Волги. К кривичам, есть все основания относить и псковскую группировку славян. Кривичские говоры (“псковский диалект” и “смоленский диалект”) стали в последнее время объектом обстоятельного изучения С.Л. Николаева [29, 30].

Ареал смоленско-полоцких кривичей согласно рассматриваемой здесь диалектологической карте восточнославянских языков составляет основную часть зоны распространения севернобелорусских говоров. Конечно, можно говорить, что смоленский и полоцкий диалекты кривичей легли в основу севернобелорусского наречия, но формирование последнего отражает и более ранние процессы исторического развития этих территорий. На левобережье Днепра ареал севернобелорусских говоров охватывает и земли радимичей. Говорить на основании археологических данных о близкой родственности кривичей и радимичей невозможно. Очевидно, нужно полагать, что на формирование севернобелорусских говоров заметное воздействие оказало субстратное население. Ареал этих говоров в значительной степени соответствует не племенному членению восточного славянства, а области расселения отдельной ветви этноязыкового массива балтов, именуемой исследователями днепровской, формирование которой уходит в весьма отдаленную древность [31, 32].

На севернорусской территории выявляется еще третья крупная племенная группировка раннесредневекового славянства. Ее культуре не свойственны такие погребальные памятники как сопки или длинные курганы, поэтому ранние древности этих славян обнаруживаются с трудом. Характернейшим элементом культуры их являются браслетообразные височные кольца с сомкнутыми или заходящими концами, бытовавшие в течение восьми–деяти столетий. В третьей четверти I тыс. н.э. такие украшения неожиданно распространяются на широкой территории, включающей Белорусское Подвинье, Смоленское Поднепровье и Волго-Клязьменское междуречье [33]. В VIII–IX вв. основное ядро носителей браслетообразных височных колец с сомкнутыми или заходящими концами сосредотачивается в междуречье Волги и Клязьмы. Население здесь было довольно многочисленным. Отсюда отдельные группы славянских переселенцев направляются в регионы расселения поволжско-финских племен. Славяне появляются в земле муромы, на востоке достигают р. Унжи и окраин ареала мари (марийцев), на севере расселяются среди веси вплоть до Белоозера.

Славяне рассматриваемой племенной группировки составили ядро населения Ростово-Суздальской земли. Финноязычное племя меря было сравнительно малочисленным, часть его растворилась в славянской среде, другие части были вытеснены, как можно судить по древностям Костромского Поволжья, на окраины славянского расселения. В середине XX в. Б.М. Ляпунов и Ф.П. Филин, работая над вопросами диалектного членения славянского населения Восточной Европы, высказали предположение, что в древности Ростово-Суздальская земля была заселена особым восточнославянским племенем, название которого до нас не дошло, и владимиро-суздальские говоры ведут свое начало от диалекта этого племени [34, 35]. Это положение не только не утратило силу к настоящему времени, но и находит надежное подтверждение в ряде материалов.

Новейшее изучение проблемы акцентологических диалектизмов в славянских языках отчетливо свидетельствует, что территория древней Ростово-Суздальской земли принадлежит к отдельной четвертой группе, восходящей к первичному диалект-

ному членению праславянского языка. Причем ее акцентологические особенности говорят о ранней изоляции этой славянской группировки, в связи с чем, надо полагать, что носители этого диалекта представляют собой наиболее ранний колонизационный поток славян [36].

Диалект четвертой акцентологической группы территориально соответствует области расселения рассматриваемой славянской племенной группировки [37]. Ее ранний отрыв от основной массы праславянства по археологическим данным вполне очевиден. Имеются все основания утверждать, что именно диалект этой племенной группировки славян и положил начало развитию владимирско-поволжской группе северно-великорусских говоров.

В X–XI вв. в Волго-Клязьменском междуречье наблюдаются дополнительные миграционные притоки славянского населения. Погребальными памятниками первых славян в этом регионе являются грунтовые могильники. Новое население принесло сюда курганный обряд погребения. Анализ курганных материалов выявляет два направления движения славянского населения. Один миграционный поток шел из ареала ильменских славян, другой – из областей смоленско-полоцких кривичей. Прилив нового населения нашел отражение в некоторых особенностях владимирско-поволжских говоров, но не изменил их сущности, заложенной первыми славянскими жителями этого края.

Вопрос о происхождении славянской группировки, представленной браслето-образными сомкнутыми и заходящими височными кольцами на археологических материалах пока не поддается разрешению. Топонимические данные, собранные и проанализированные Ю. Удольфом, о которых говорилось выше, свидетельствуют, что заселение ранними славянами Волго-Окского междуречья было результатом того же большого миграционного потока из Повисленья через Среднее Понеманье и Псковско-Ильменские земли.

Таким образом, в основе восточнославянской этноязыковой общности лежит несколько различных диалектно-племенных образований праславян. Ситуация в какой-то мере осложнялась еще и тем, что славянское население, осваивавшее пространство Восточноевропейской равнины, застало в лесной зоне различные финноязычные и балтские племена и постепенно славянизировало аборигенов. В таких условиях формирование восточнославянского этноса было возможным только в результате интеграционных процессов.

Эти процессы начались не ранее IX–X вв. и обусловлены целым комплексом исторических обстоятельств. Начальный период интеграции славянских племен, осевших на Русской равнине, характеризуется активной торговой деятельностью и развитием речного судоходства. Балтийско-Волжский и Ильменско-Днепровский магистральные торговые пути с их многочисленными разветвлениями пересекли почти все славянские земли Восточной Европы, связав их в общие узы. Ильменско-Днепровский путь, известный в летописи как маршрут “из варяг в греки”, стал не только торговой, но и военно-политической магистралью, служившей целью единой государственности.

Сформировавшееся в IX–X вв. дружинное сословие сосредоточилось в основном на Ильменско-Днепровском пути и его ответвлениях. Исследованные раскопками дружинные курганные кладбища Гнездова под Смоленском, Шестовиц под Черниговым и других мест отчетливо свидетельствуют о том, что дружина и войско Руси состояли из разнородного населения – представителей различных славянских племен Восточной Европы, скандинавских варягов и выходцев из окраинных финноязычных регионов. Анализ погребальной обрядности и вещевых инвентарей дружинных курганов ярко демонстрирует нивелировку племенных особенностей. Древнерусская дружина стала первым надплеменным сословием, сформировавшимся из разнородного населения. Это был первый шаг к этноязыковому объединению неоднородного славянского населения Восточной Европы.

Еще в VIII в. в различных местностях славянского расселения зарождаются ранние

торгово-ремесленные поселения – протогорода. Они стали центрами кристаллизации военно-дружинного и торгового сословий и ремесленного люда. Протогорода охотно принимали в состав своего населения иноплеменников и были пестрыми в этническом отношении. Так, Ладога с момента своего возникновения была поселением полиэтническим, среди ее населения были и словене ильменские, и кривичи, и местная чудь, и балты, и варяги [38]. Разноплеменность населения была одной из характерных черт подобных неаграрных поселений [39].

Таковыми же неоднородными по племенной структуре стали и древнерусские города. Археологические исследования Новгорода, Кисва, Суздаля, Пскова, Чернигова, Изборска и других городов показали, что городское население Руси формировалось из ее разных областей, из разных племенных регионов. Это фиксируют и летописи – когда в конце X в. по велению киевского князя Владимира Святославича в левобережной части Среднего Поднепровья, чтобы защитить границы Руси от набегов печенегов, строились новые города и для их заселения были привлечены люди из земель словен ильменских, кривичей, вятичей и чуди [20, с. 83]. В строительстве и функционировании этих городов участвовало и местное население – северяне и поляне.

Следовательно, городское население Древней Руси было новообразованием, формировавшимся из представителей разных племен и регионов, внутри которого постепенно нивелировались прежние племенные и диалектные различия.

Скандинавские источники именуют Древнюю Русь “страной городов”. Действительно, территория домонгольской Руси выделялась множеством городских поселений. По подсчетам М.Н. Тихомирова, уже в X в. на Руси было не менее 25 городов, в XII в. их число достигает 224, а ко времени татаро-монгольского нашествия существовало около 300 городов [40]. По всей вероятности, их было больше, так как не все города упомянуты в летописях (рис. 3).

С ростом числа городов, их развитием вырастает новая общественная сила – горожане. Вместе с военно-дружинным сословием городское население стало мощной движущей силой в создании единой материальной и духовной культуры на всей территории Руси, в нивелировании региональных различий, в формировании восточнославянской этноязыковой общности.

Целостность культуры восточного славянства в значительной степени была обусловлена активным развитием городской жизни и высоким уровнем городского ремесла. О единстве городской культуры Руси говорят и изделия железообрабатывающего ремесла, общность кузнечных приемов, и одинаковость вооружения и продукции костерезного ремесла, и особенно ярко бронзолитейное и ювелирное дело. Городская культура с первых шагов своего развития разрывает рамки племенной замкнутости. Металлическое убранство костюма горожанок характеризуется единством во всем восточнославянском ареале. Излюбленным украшением городских женщин стали стеклянные браслеты; постоянно и в большом количестве встречаемые при археологических раскопках любого древнерусского города. Торговые узы тесно связывали все города Руси. Горговля приобрела широкий размах. В многочисленные малые города из более крупных поставлялись стеклянные бусы, браслеты и перстни, костяные и самшитовые гребни, разнообразные ювелирные изделия, бронзовые крестики-тельники и энколпионы, корабельники по всей стране разносили шиферные пряслица и иные предметы.

Города были не только носителями и распространителями единой материальной культуры, но и оказывали существенное воздействие на духовную жизнь всего восточного славянства. Они стали центрами просвещения и грамотности. В крупных городах велось летописание, составлялись грамоты и уставы, велась деловая переписка. Грамоты на бересте, ныне обнаруженные уже при раскопках восьми городов, а также бронзовые, железные или костяные писала-стили, встречаемые в десятках городских поселений, говорят о широком распространении грамотности на Руси. Все несомненно способствовало культурному и языковому сближению восточнославянского населения.

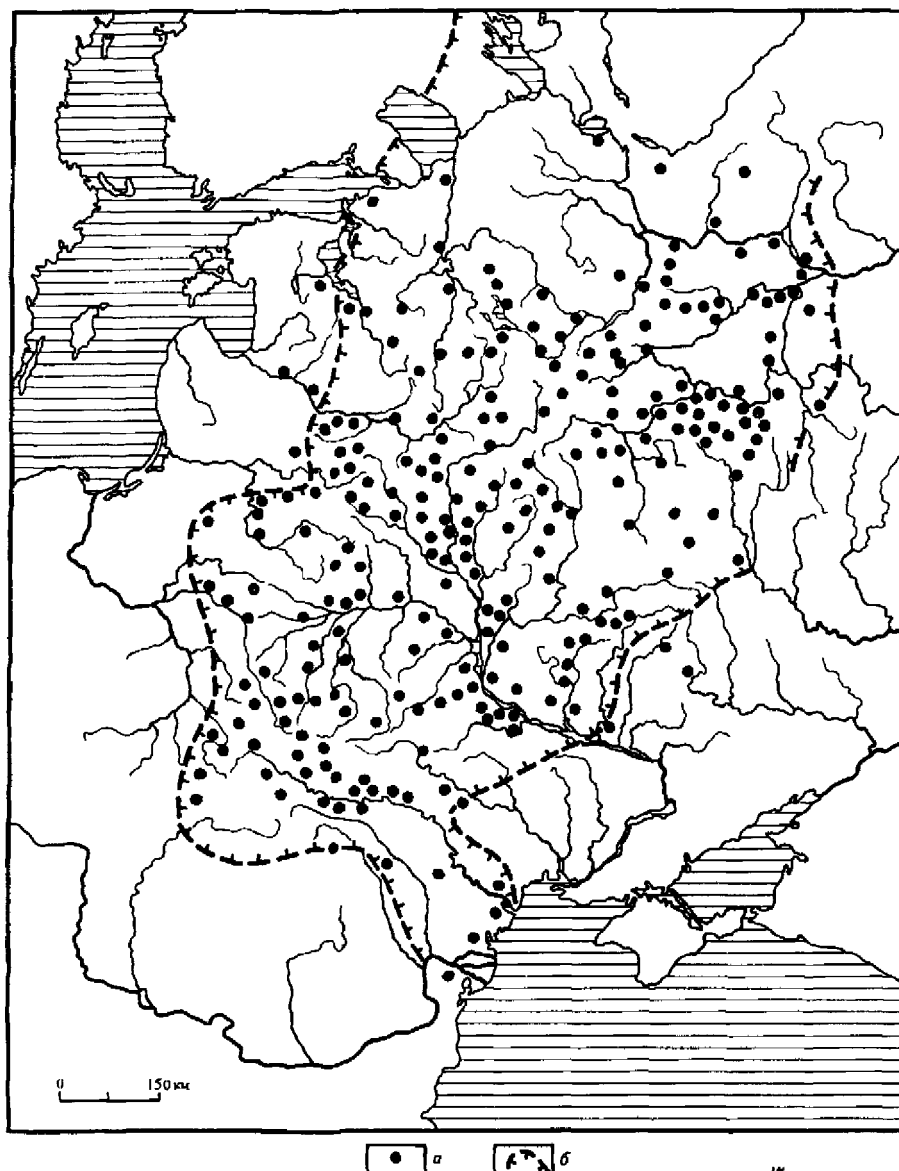

Рис. 3. Карта городов домонгольской Руси
Условные обозначения: а – города; б – приблизительная граница Древнерусского государства

В формировании восточнославянской общности существенная роль принадлежит христианской религии. Церковь способствовала укреплению русской государственности и сыграла положительную роль в развитии просвещения, создании важнейших литературных ценностей и произведений искусства и архитектуры. Несомненна и роль церкви и в приобщении Руси к культурным богатствам Византии. Христианская идеология, искусство и просветительная деятельность стали мощным импульсом интеграции племенной раздробленности славянского населения восточноевропейской равнины и формирования восточнославянской общности.

Наконец, самое существенное – образование единого Древнерусского государства, политически объединившего все земли славян, расселившихся на широких простран-

ствах Восточной Европы. Государственная власть, осуществлявшая административные и судебные функции на всей территории Руси, организующая походы войска, собираемого из различных земель, строившая города и крепости на пограничье и внутри подвластного ареала, несомненно консолидировала население в единое целое.

Начало формирования восточнославянского культурного единства по археологическим данным следует датировать X в., а его окончательное оформление относится к XI–XII вв. Арабские источники употребляют этнонимы “славяне” и “русы”. Разграничение этих терминов для периода IX в. – начала X в. непонятно, но со второй половины X в. “русами” восточные авторы последовательно именуют восточных славян, входивших в состав Древнерусского государства, а “славянами” – весь раннесредневековый славянский мир [41]. Очевидно, восточные славяне – русы (на первых порах – военно-дружинное сословие и жители городов) начали осознавать свое единство уже в начальной стадии формирования восточнославянской народности.

Татаро-монгольское нашествие и последовавшее за ним включение западнорусских земель в состав Литовского государства полностью нарушили интеграционные процессы восточного славянства. Основой восточнославянской этноязыковой общности было городское население, в сельских местностях диалектные особенности прочно сохранялись. В середине XIII в. целый ряд древнерусских городов прекратил свое существование, многие города были сожжены и разгромлены, население их или погибло или разбежалось – городская жизнь была серьезно нарушена. В результате восточнославянская общность прекратила свое развитие. В этноязыковом развитии восточного славянства возобладали дифференциационные процессы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шахматов А.А. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей // ЖМНП. 1899. IV.
2. Шахматов А.А. Введение в курс истории русского языка. Ч. I: Исторический процесс образования русских племен и русских народностей. Пг., 1916.
3. Шахматов А.А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.
4. Рыбаков Б.А. Проблема образования древнерусской народности // ВИ. 1952. № 9.
5. Рыбаков Б.А. Древние русы // СА. 1953. Т. XVIII.
6. Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970.
7. Филин Ф.П. О происхождении праславянского языка и восточнославянских языков // ВЯ. 1980. № 4.
8. Пяторак Г.П. Формування і діалектна диференціація давньоруської мови (Історико-фонетичний нарис). Київ, 1988.
9. Трубачев О.Н. В поисках единства. М., 1992. С. 96–98.
10. Ляпунов Б.М. Древнейшие взаимные связи русского и украинского языков и некоторые выводы о времени их возникновения как отдельных лингвистических групп // Русская историческая лексикология. М., 1968.
11. Хабургаев Г.А. Становление русского языка (пособие по исторической грамматике). М., 1980. С. 70–115.
12. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения позднего праславянского // Советское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 175–176.
13. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, с приложением очерка русской диалектологии / Сост. Н.Н. Дурново, М.Н. Соколов и Д.Н. Ушаков. М., 1915.
14. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.
15. Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. Памятники киевской культуры. Киев, 1992.
16. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.
17. Дурново Н.Н. Введение в историю русского языка. М., 1969. С. 183.
18. Седов В.В. Славяне и иранцы в древности // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978.
19. Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. М., 1987. Вып. 2. С. 153.
20. Повесть временных лет. М.; Л., 1950.
21. Трубачев О.М. Етимологічні спостереження над стратиграфією ранньої східнослов'янської топонімії // Мовознавство. 1971. № 6.
22. Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 121–128.

23. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 134–170.
24. Седов В.В. Длинные курганы кривичей. Свод археологических источников. Вып. EI–8. М., 1974.
25. Зализняк А.А. Наблюдения над берестяными грамотами // История русского языка в древнейший период. М., 1984.
26. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1977–1983 гг. М., 1986. С. 111–119, 217, 218.
27. Udolph J. Die Landnahme der Ostslaven im Lichte der Namenforschung // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1981. Bd. 29.
28. Седов В.В. Новгородские сопки. М., 1970.
29. Николаев С.Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988.
30. Николаев С.Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи (окончание) // Балто-славянские исследования. 1987. М., 1989.
31. Седов В.В. Днепровские балты // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс, 1985.
32. Sedovs V. Balti senatne. Rīga. 1992. С. 58–70.
33. Седов В.В. Из этнической истории населения средней полосы Восточной Европы в I тыс. н.э. // Российская археология. 1994. № 2.
34. Филин Ф.П. Очерк истории русского языка до XIV столетия (Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. Т. XXVII). Л., 1940. С. 86.
35. Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М., 1972. С. 58–60.
36. Дыбо В.А., Замятина Г.И., Николаев С.Л. Основы славянской акцентологии. М., 1990. С. 109–159.
37. Булатова Р.В., Дыбо В.А., Николаев С.Л. Проблемы акцентологических диалектизмов в праславянском // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988.
38. Давидан О.И. Этнокультурные контакты Старой Ладоги VIII–IX веков // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Л., 1986. Вып. 27.
39. Седов В.В. Начало городов на Руси // Труды V Международного конгресса славянской археологии. М., 1987. Т. I. Вып. I.
40. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 9–43.
41. Новосельцев А.П. "Худуд-ал-алам" как источник о странах и народах Восточной Европы // История СССР. 1986. № 5.